

Эта мысль К. Регамэ была поддержана у нас В. А. Чернышевым: «Центром эргативной конструкции хинди и предложения, имеющего ее в своем составе, является переходный глагол...» [12, с. 49]. Вслед за оригинальным индийским ученым Дуничандом [13], который, к сожалению, мало известен в Индии, В. А. Чернышев признает в ЭК наличие двух подлежащих при одном сказуемом, при этом подлежащее с показателем эргатива не классифицируется как *основное*, а подлежащее, выраженное, по Чернышеву, прямым дополнением, — как *объектное* [12, с. 54]². Здесь же В. А. Чернышев справедливо указывает, что при маркированном прямом дополнении объектное подлежащее вновь передвигается «в разряд обязательных второстепенных членов» [12, с. 54], т. е., по словам Э. Л. Кинэна, «подлежащее понижается в ранге до косвенного дополнения, но ничто не передвигается в его позицию» [15, с. 268]. Лутц Баганза называет немаркированный объектный расширитель *эксплицитным* (открытым), а маркированный расширитель — *имплицитным подлежащим* [16, р. 18].

Оригинальная мысль К. Регамэ, к сожалению, не подтверждается фактами СЛЯХ, поскольку для образования ЭК наличие только предикативного причастия совершенного вида (ПСВ) недостаточно, о чем свидетельствует употребление форм лексического пассива, т. е. пассивной конструкции, предикат которой омоформичен простому и составному ПСВ: байалисве санвидхан саншодхан *адхинийам ке двара ... сансад ко йах адхикар дийа хай* (Б. Л. Вама — «42-й поправкой к конституции парламенту предоставлено это право; май джо ху, *ма ка банайа ху* («Ашк») — «То, что из меня получилось, сделано мамой»). Как видно из примеров, субъект действия выступает здесь с орудийными послелогом.

Следовательно, для формирования ЭК необходимы более широкие опорные критерии, чем наличие одного лишь ПСВ.

В свое время Т. Я. Елизаренкова сформулировала пять признаков, соблюдение которых необходимо для того, чтобы конструкция предложения в любом из новоиндоарийских языков могла считаться эргативной. Это «1) наличие противопоставления эргативного и именительного падежей; 2) наличие противопоставления эргативного падежа и инструментального или любого другого косвенного падежа, способного выступать как падеж деятеля; 3) отсутствие винительного падежа, имеющего самостоятельную форму в функции выражения прямого объекта; 4) наличие переходного глагола, ... не являющегося глаголом страдательного залога во временах совершенного вида (отсюда требование наличия страдательного залога, имеющего самостоятельную форму выражения); 5) наличие объектного согласования глагола, личные формы которого образовались из причастия совершенного вида (отсюда требование наличия категории рода, с помощью которой выражается это согласование)» [17, с. 116]. Несоблюдение любого из них делает конструкцию не эргативной в строгом смысле слова. Т. Я. Елизаренковой вводится здесь и весьма продуктивное понятие эргативообразной конструкции, в которой могут быть нарушены пункты второй и пятый, при этом отмечается, что «при описании фактов конкретного языка важно учитывать, является ли эргативная конструкция единственным возможным способом выражения определенной ситуации или одним из них» [17, с. 117]. Последнее замечание весьма существенно, поскольку место эргативной конструкции в синтаксисе индоиран-

² По мысли И. И. Мещанинова, место указанных двух подлежащих занимают два субъекта (активного действия и состояния) [14, с. 167]. Подобные сочетания терминов представляются нам, по крайней мере для СЛЯХ, не совсем корректными. Подлежащее психологически и по существу является тем компонентом предложения, который согласуется со сказуемым, что отсутствует в «основном подлежащем» и в «субъекте активного действия». С другой стороны, «субъект состояния» является координирующимся компонентом, функционально тождественным подлежащему предложению, что особенно четко прослеживается в пассивных конструкциях. Очевидно, правильнее будет развести эти термины.